

психологическую тональность».¹⁵ Но этот прием заимствован здесь Карамзиным у Руссо.

Оба героя — Сен-Пре и Эраст — проповедуют чистую любовь и кончают обольщением. Градация чувств от «страстной дружбы» к пагубной страсти проведена у Карамзина постепенно, как и у Руссо. Сначала любовники удовлетворяются прелестью невинной любви. Сен-Пре чистую любовь ставит выше наслаждений: «Vrai bonheur, gloir de ce qu'on aime, triomphe d'un amour qui s'honore, combien tu vauх mieux que tous ses plaisirs» (NH, I, V, 57).¹⁶ И Эраст «страстную дружбу невинной души» предпочитал наслаждениям. «С отвращением помышляя он о презрительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства» (614).¹⁷

Первый поцелуй у Руссо и у Карамзина является кризисом и предвестником пламенной страсти. Когда Юлия поцеловала Сен-Пре в роще, он почувствовал себя «воспламененным небесным огнем»: «Non, le feu du ciel n'est pas plus vif ni plus prompt que celui qui vint à l'instant m'embrasser» (NH, I, XIV, 94). И когда Эраст поцеловал Лизу, «вся вселенная показалась ей в огне горящего» (612). А клятва в верности, которую пожелала получить Лиза от Эраста («И ты можешь дать мне в этом клятву» (612)), — отголосок той клятвы, которую потребовала Юлия от Сен-Пре в присутствии Клары: «Jure moi donc, mon doux ami...»¹⁸ (NH, I, XXXV, 171). Оплакивая свое падение, Юлия взывает к Кларе, своему ангелу-хранителю: «Où étais-tu, ma douce amie, ma sauvegarde, mon ange tutélaire? Tu m'as abandonnée et j'ai péri»¹⁹ (NH, I, XXIX, 146). Сетования Юлии почти буквально повторил Карамзин: «Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где твоя невинность?» (615).

Сама природа и у Карамзина, и у Руссо осуждает падение героини. Юлии казалось, что вся вселенная упрекает ее за падение: «L'univers entier ne me reproche-t-il pas ma faute?»²⁰ (NH, I, XXIX, 147). Падение Лизы сопровождается грозой:

¹⁵ Д. Д. Благой. Пушкин и русская литература XVIII века. В его кн.: Литература и действительность. Вопросы теории и истории литературы. Гослитиздат, М., 1959, 271—272.

¹⁶ «Истинное счастье, честь того, кого любишь, торжество любви, гордой своей чистотою, — сколь ты драгоценнее всех наслаждений».

¹⁷ Курсив Карамзина.

¹⁸ Клянись же мне, мой нежный друг... — Пушкин пародировал эти сентиментальные клятвы в «Барышне-Крестьянке»: Лиза Муромцева клянется «святою Пятницей».

¹⁹ Где же ты была, моя милая подруга, моя защитница, мой ангел-хранитель? Ты меня покинула, и я погибла.

²⁰ Вся вселенная укоряет меня за мой проступок.